

Брейар Ж. М.С Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции. 1816-1818 гг.

С. 130

« Русский оккупационный корпус, насчитывающий 45000 человек, прибыл на место расквартирования в первые числа 1816 года. Он состоял из драгунских (Курляндского, Кинбурнского, Смоленского, Тверского), пехотных (Алексопольского, Апшеронского, Якутского, Нарвского, Нашенбургского, Новоингерского, Рязского) и казацких полков, одной саперной роты и семи артиллерийских рот. Корпусом командовал граф М.С. Воронцов, отправившийся из Нанси в Мобеж, где был расположен генеральный штаб. Во главе штаб-квартиры стоял генерал Гурьев.

Точной карты с изображением оккупированной зоны так и не нашлось. Опираясь на статистические данные, опубликованные префектурами (в Лилле, Лане и Шарлевиле) и также на архив министерства Внешних дел и Военный архив, мне удалось реконструировать местонахождение русских войск. Линия русской зоны проходила от бельгийской (тогда еще нидерландской) границы под городком Сен-Сольвом в окрестностях Валансьена, затем проходила к югу, охватывала города Солем и Ле-Като. Окгур Авена был полностью оккупирован. Линия переходила департамент Эн недалеко от настоящей бельгийской границы по северной части округа Вервена, охватывая Ле-Нувьон, Ла-Капель и Ирсон. Наконец, в департаменте Арденн русские войска занимали полностью три округа Рокруа, Ретеля и Вузье. Таким образом, русская зона раскинулась вдоль «бельгийской» границы на территории длиной в 120 км, средней шириной в 40 (от 20 до 60) км»

С. 130-131

«В 1814 году на французской территории, в частности на территории Шампани и под г. Ланом, союзники совершили ряд жестокостей. В них участвовали – в значительной мере, чем прусские – и русские войска. Если взглянуть поближе, то оказывается, что эти акты насилия совершили не регулярные части, а нерегулярные войска, состоящие из казаков башкир и калмыков. В 1815 году вновь повторились разные бесчинства со стороны всех союзников, но на этот раз, в значительно большем масштабе и на огромной территории в 51 департамент.»

С. 131

«Эти акты в свою очередь породили сильную ксенофобию, включающую в себя и русофобию, хотя хорошо известно, что русских боялись меньше, чем пруссаков. К этому времени страх перед казаками усугубили рассказы вернувшихся из России солдат Наполеоновской армии. <...> Однако тут надо внести некоторые важные коррективы. Историк Р. Андрэ признает, что уже в 1815 году «поведение русских было корректно и разумно» «Надо подчеркнуть, - продолжает он, - что в честь одних русских наблюдается

проявление бесспорной симпатии». Таким образом, уже в конце 1815 года русские, в отличие от других национальностей, получают у французов положительную оценку. Об этом свидетельствует тот факт, что советы французских городов, в которых должны были стоять союзные войска, выразили желание принять именно русских.

На это указывает также – хотя косвенно и парадоксально – явное разочарование жителей в первые дни оккупации. Об этом пишет префект Арденн герцогу Ришелье: «С времени вступления русских войск в три округа этого департамента полностью исчезло сложившееся заранее представление об их умеренности и доброжелательности к жителям». На то же жалуется мэр г. Форэ: «Мы нетерпеливо ждали расквартирования русских, про которых говорили столько хорошего. Но с тех пор, как они приехали, мы почти готовы сожалеть о пруссаках». <...>

По мнению многих французских историков (Волабель, Вьель-Кастель, Корель, Усе) своим поведением русские войска значительно различались в зависимости от их состава. Опять-таки на казаков и мусульман-башкир, так поразивших французское население, ложится основная ответственность.»

С.132.

«В конце 1815 года уполномоченный французского правительства при русской оккупационной армии маркиз Амеде Бросар пишет с презрением, что «русские» (оговорим, что включаются в это широкое понятие и казаки, и башкиры, и калмыки) являются «медведями в намордниках, которых поднять на ноги можно, только размахнув палкою».

После кратковременного улучшения поведения русских войск первые числа 1816 года ознаменовались ростом всякого рода бесчинств и актов насилия. Бросар сразу же доложил об этом герцогу Ришелье, бывшему в прошлом градоначальником Одессы и генерал-губернатором Новороссийского края и ставшему в 1815 году председателем совета министров во Франции. Бросар пишет: «Начало расквартирования русских оказалось неблагоприятным. Сбылось то, что я, к сожалению, предвидел. В округе Авена царит неопикуемый беспорядок. Он не меньше в округе Камбр».

В самом деле, стоит прочитать в Военном архиве «опись общей переписки» за первые месяцы 1816 года, чтобы убедиться, что каждодневно отмечаются насильственные действия, совершаемые русскими военными. <...> Не проходит и дня без упоминания насильственных действий, совершаемых русскими. Отметим, что 18 января жители г. Ландреси «дошли до того, что сожалеют об уходе пруссаков», что конечно, о многом говорит. Подобные бесчинства продолжались до конца февраля 1816 года. О подобных фактах – прежде всего в Арденнах – рассказывается также в нескольких работах местных историков».

С. 133.

«Но в дальнейшем в течение двух недель положение резко изменилось. Начиная с половины марта 1816 года и до конца 1818 года в книге «Общей

переписки» Военного министерства упоминаний о русских войсках становится исключительно мало. Этот факт тем более знаменателен, что, в отличие от русских, другие войска – прежде всего саксонцы и пруссаки – продолжают по-прежнему бесчинствовать и даже более жестоко.

Исправление поведения русских войск было быстрым, коренным, окончательным. Это не значит, что никаких недоразумений не возникало в течение последующих 32 месяцев. Их было несколько. Но случаи физического насилия стали редчайшим исключением. Не подлежит никакому сомнению, что это изменение явилось личной заслугой М.С. Воронцова.

Еще раз представляется необходимым вникнуть в подробности. Судебный архив округа Авена (в который входит до сих пор Мобёж) упоминает за три года всего-навсего три случая изнасилования. Русский военный суд приговорил виновников к наказанию шпицрутенами. Двоих прогнали 6 раз сквозь строй в 500 человек. Третьего 12 раз сквозь строй в 1000 человек. Такие приговоры равнялись смертной казни. Строгость М.С. Воронцова отражается и в интересной «Описи обнаруженных и наказанных мною преступлений со времени моего прибытия в Мобёж», хранящейся в архиве министерства Внешних дел. Она была отправлена М.С. Воронцовым Ришелье в начале февраля 1816 года.

В этой описи можно прочесть, что «30 января одного солдата расстреляли, а другого прогнали сквозь строй за кражу со взломом». Очень показательно, что эта строгость потрясла французское население. Почти все исторические работы, посвященные истории отдельных городов, упоминают об этих наказаниях. <...>

Обратимся сначала к фактам, породившим конфликты между русским военным корпусом и французским населением. Интересно проследить, как М.С. Воронцов старался их разрешить.»

С. 134.

«Среди самых невинных причин конфликтов можно назвать русские бань. Как странно это не покажется, а устройство бань вызвало ряд трудностей у французских властей. Это тем удивительней, что расходы по постройке бань брала на себя русская сторона. С самого начала своего командования М.С. Воронцов приказал выдать каждой войсковой единице по сто франков на устройство бань. Этот приказ был опубликован на французском языке префектурой департамента Севера (Нор). Не сославшись на оригинальный русский текст, мы позволим себе перевести с французского одно место: тут говорится, что М.С. Воронцов стремится к тому, «чтобы любой солдат мог пользоваться баней каждую неделю и чтобы прекратились жалобы по этому поводу со стороны французского правительства». Но разрешение на стройку могла дать только французская сторона. Эти бани поразили жителей, в частности, привычка окунаться в холодную воду сразу по выходе из бани. Командующий гарнизоном г. Живэ, так называемого «Гибралтара Франции» на реке Маас, барон Левештерн пишет по этому повод: «Нет ничего

любопытнее, чем изумление жителей при таком зрелище». Интересно, что некоторые местные историки упоминают только об этом обычае, насколько он глубоко и надолго запечатлелся в памяти жителей. Русская баня показалась французскому простому народу чем-то странным, диковинным, немного даже морально подозрительным, характерным для «примитивных существ», как наивно пишет историк А. Берудье. А Левенштерн отмечает с усмешкой: Русский солдат охотнее обойдется без кровати, чем без бани». И лукаво прибавляет: «В отличие от французского солдата, который прежде всего стремится блеснуть своей наружностью и моется очень редко».

Французские власти проявляли явное нежелание разрешить устройство бань. Еще в январе 1817 года в Бавэ полковник Арсеньев жаловался на то, что «это дело тянется уже полтора года, а никакого результата с их стороны не видно». Лишь через год, в марте 1818 года городской совет наконец дал разрешение. Этот на первый взгляд малозначительный эпизод с банями показывает, как М.С. Воронцов заботился об условиях существования рядового солдата. Левенштерн приводит другие примеры заботы в корпусе о нижних чинах. Он пишет, в частности, что во Франции русских солдат «кормили и поили точно так же, как в России; притом им давали водку и спали они на хороших кроватях. <...> Вскоре солдаты привыкли к этой роскоши, отсутствовавшей даже у самых богатых русских мужиков».

С. 135

Трудности иного порядка вызвал вопрос о размещении солдат по казармам. Известно, что, как пишет Н.И. Тургенев, это размещение по казармам применялось в России «в очень ограниченном масштабе». В целях избавления жителей от чреватого всякими неприятными последствиями постоя на частных квартирах, французское правительство позаботилось о размещении всех союзных войск по казармам. В январе 1816 года главный инженер в Лилле Кордье напомнил префекту Севера о «необходимости добиться стоянки всех иностранных войск в казармах». М.С. Воронцову пришлось воспользоваться всей своей властью, чтобы без замедления разместить своих солдат в поспешно обустроенных помещениях. Уже в марте 1816 года такое размещение было почти полностью завершено.

Этой распорядительностью М.С. Воронцова явно превзошел своих иностранных коллег. В труде по истории оккупации департамента Севера с 1814 о 1818 год историк Брюше показывает, что в других зонах главнокомандующие и старшие офицеры, как правило, не освобождали жителей от постоя. Очень показателен и другой факт. В январе 1818 года в городе Ле-Като егеря 12-й дивизии, размещенные в нездоровых жилищах, вдруг заразились тяжким воспалением оболочки глаз (офтальмией). Тем не менее М.С. Воронцов согласился на размещение солдат по частным домам лишь тогда, когда болезнь приняла массовый характер. Левенштерн отмечает, что в 1819 году из-за этой задержки 93 солдата ослепли. И М.С. Воронцову пришлось объясниться перед Ришелье. Этот случай показывает, как М.С. Воронцову пришлось разрываться между заботой о солдатах и

желанием пощадить население. Заботливость М.С. Воронцова, как его особая черта, не раз отмечалась, в частности, М.П. Щербининым.

В течение всей оккупации остро стоял вопрос о качестве поставляемых продуктов питания. Не раз поставщики шли на явный обман. Самым ярким примером является случай с пшеничной мукой, в которую нечестные поставщики прибавляли песок для большего веса. В марте 1817 года хлеб, испеченный из такой муки, поставленной торговцем из Сент-Омера, содержал, как доложил заместитель префекта мэру Мобёжа, «такое большое количество песка, что нельзя было его размолоть зубами». О масштабе мошенничества говорится в отчете главного распорядителя Лажара военному министру маршалу Кларку: «из 45 мешков с зерном извлекли 79 ки

С.136.

лограммов песка». Интересно, что русские все-таки приняли – и съели! – две первые партии. Поняв, наконец, что их протесты не принимают во внимание, они отказались от третьей партии и договорились напрямую с булочниками о доставке ими хлеба. Заместитель префекта г. Авена Присеет, минуя префекта написал маршалу Кларку: «Нам ведь приходится прилагать немалые усилия, чтобы люди с голоду не умирали». Префект Севера Ремюза посчитал мошенничество поставщиков «очень серьезным» прежде всего «из-за пагубного влияния на мнения и чувства иностранных войск». Поставщиков строго наказали, и уже 22 июня г-н присеет спросил ««доволен ли граф М.С. Воонцов?». Год спустя, тот же Присеет внимательно следил за «удалением всяких посторонних тел и в частности песка» из переправляемой в Мобёж муки. В мае 1816 года в Рокруа повторился подобный случай».

С.136

Намного серьезе оказался конфликт между русскими военными и теми, кого сам М.С. Воронцов называл в частной переписке с А.А. Закревским «канальями таможенниками». Ноябрьский договор гласил : «Главкомандующие союзными войсками никоим образом не будут препятствовать мерам, принимаемым работникам этой администрации (т.е. таможенниками) в борьбе с контрабандой; они даже при случае окажут им помощь и содействие». М.С. Воронцов уверил Веллингтона, что он сделает все возможное, чтобы помогать французским таможенникам. Однако скоро отношения оказались натянутыми.

14 марта 1816 года у села Гран-Варньи двое таможенников захотели остановить двух казаков, едущих обратно в свою казарму. Один из казаков, как об этом пишет М.С. Воронцов Веллингтону, «не понимая, чего таможенники от него требуют, поехал дальше; тогда один из таможенников выстрелил из ружья и убил казака». Через несколько месяцев кабаке с. Ларуйи трое таможенников зарубили невооруженных русских солдат.

С.137

М.С. Воронцов подчеркнул безупречную корректность поведения своих солдат: «Когда русские солдаты прибежали на крик товарищей и обезоружили таможенников, то они проявили такую дисциплину, что не только не отомстили убийцам, а, не трогая, повели к офицеру, который передал их французским властям». К этому времени М.С. Воронцов уже неоднократно обращается к Веллингтону с жалобами на таможенников: «Наши офицеры запрещают солдатам отомстить таможенникам, но раздражение против них достигло предела, и если оно дойдет до крайности, то быть большой беде».

Убийство русских солдат у села Ларуьи имело следующие последствия. Узнав, что королевский прокурор в Авене освободил арестованных таможенников из-под стражи и что один из них убежал, министр внешних дел Поццо-ди-Борго попросил у Ришелье осуждения королем поведения генерального прокурора в Дуэ и королевского прокурора в Авене, а также генерального директора таможни, которые не выполнили своих обязанностей или небрежно к ним отнеслись.

Инспектор таможни Дизье, отправленный из Парижа к М.С. Воронцову, застал его «рассерженным и не желающим прислушиваться к словам примирения». Воронцов заявил, что «дело так далеко пошло, что меры должны быть приняты властью в Париже, что работники таможни совершают всяческие насильственные действия против русских и что скоро русские сами примут ответные меры. Ришелье решил срочно вмешаться в этот конфликт. Он напомнил военному министру маршалу Кларку «сколь серьезны последствия» таких ошибок. Когда они относятся к оккупационным войскам. Со своей стороны министр внутренних дел Деказ посылал военному министру многочисленные отчеты об этом деле от заместителя префекта Авена Присета. Ришелье потребовал от министра юстиции увольнения прокурора в Авене. Эти меры, кажется, удовлетворили М.С. Воронцова. Директор таможни в Валансьене, которого отправили с визитом к М.С. Воронцову и генералу Понсе, заключил свой рапорт такими словами: «Я остался очень доволен их приемом и беседой. Наши народы легко симпатизируют друг другу». А 3 июля генеральный директор таможни написал Ришелье: «Этот генерал (т.е. М.С. Воронцов), в сущности лояльный и прямодушный, вполне, кажется, доволен теми мерами, которые я принял для исправления неправильного поведения таможенников с русскими солдатами».

На этот раз французская сторона сильно встревожилась. С тех пор генеральный директор таможни стал проявлять необычную строгость при малейшем столкновении между своими подчиненными и русскими. 9 января»

С.138.

«ря 1818 года после третьего предупреждения таможенники выстрелили в двух драгунов Игнатия Иванова и Дмитрия Васильева и во французского

сообщника Бенжамена Дедона. Они действительно занимались контрабандой. В этом столкновении была убита только лошадь. Но главное управление таможни сочло себя обязанным извиниться перед М.С. Воронцовым, а тот выступил в защиту таможенников, которых успели уволить.

По Парижским договорам французы подлежали юрисдикции французских судов, а русских судили русские военные суды. Судебный французский архив дает богатый материал для характеристики отношений между коренным населением и русскими военными. К сожалению всецело погиб архив суда г. Шарлевиля-Мезьера в Арденнах. Но уцелел – хранится в Лиле – судебный архив города Авена. Тут хорошо видно, какие преступления совершались против русских, и как виновные наказывались.

Как уже отмечалось, после марта 1816 года поведение русских войск резко изменилось. Но этого не скажешь о французском населении. На севере и северо-востоке Франции население, и прежде всего простой народ, восприняло поражение при Ватерлоо как национальную катастрофу. Об этом писал министру Деказу заместитель префекта в Вузье: «В северо-восточных департаментах Франции деревенские жители еще не расстались с революционными заблуждениями. Жители в моем департаменте помешались на идеях богатства, славы и величия, которыми их долго убаюкивали».

Было ясно, что для простого народа союзники остались врагами. Как пишет Моссе, «как только обнаруживалось преступление, сразу же обвиняли русских. Их обвиняли во всех возможных грехах, и, как правило, без малейших доказательств». Преступления, совершаемые против русских за этот период (с марта 1816 года по ноябрь 1818 года) довольно многочисленны и более тяжелые, чем проступки русских. Бросается в глаза явное пристрастие французских судей. Например: было быстро прекращено судебного дела мельника Берто и его слуги, тяжело ранивших ударами вил несколько русских; Барбье, кузнец из Живэ, избивший русского, приговорен лишь к трехдневному заключению; к такому же заключению приговорен в Мобёже кладовщик Мишо, давший пощечину русскому сержанту. Любопытно прочитать мотивировку решения: суд считал, что Мишо «мог случайно прикоснуться к его лицу рукой, без какого-то злого умысла»; прекращено дело аптекаря из Дандреси, тяжело ранившего двоих солдат, так как судьи посчитали, что «факты не доказаны», что «поя

С.139

«вившаяся на лице у русских кровь могла произойти от старой раны»; один крестьянин, побивший двух живущих у него русских, обозвав их «медведями, дьяволами», пользуется прекращением дела «за нехваткой улик», так же, как и его товарищ, подменивший у русских водку мочой. В Бавэ, Андрэ Фламан, побивший кулаком двух русских офицеров, приговорен к ... одному дню заключения и к штрафу в один франк.

Можно было бы еще долго перечислять подобные факты. Это ясное пристрастие французских судей раздражало М.С. Воронцова и мешало ему поддерживать дисциплину в корпусе. Снова тут наблюдается противоречие между действием высших французских властей, опасавшихся возможных дипломатических последствий, и «сопротивлением» местных судей. Еще в 1816 году это не ускользнуло от внимания министра внешних дел Поццо-ди-Борго. Он напишет Ришелье: «Давно отмечено явное безразличие французских судей в исполнении своих профессиональных обязанностей, когда им предстоит исправить вину или наказать преступления, совершаемые против русских военных». Ришелье сразу же обратился к министру юстиции: «Некоторые суды не выполнили своих обязанностей и проявили чрезмерную снисходительность к виновным. Мои приказы, которые по моей просьбе передаст им г-н канцлер, не позволят им о них забыть в дальнейшем».

Однако в 1817 году суд присяжных департамента Марны вынес оправдательный приговор для двоих французов, обвиняемых в убийстве русского капитана. Представитель французского правительства при русской армии в г. Ретеле капитан Вануаз сразу же написал Ришелье: «Есть все основания подумать, что как только он узнает о выпуске на свободу обоих обвиняемых, граф М.С. Воронцов непременно будет жаловаться на явное пристрастие, которым отличалось все рассмотрение дела». В самом деле, М.С. Воронцов пожаловался Веллингтону: «Это дело непременно произведет скверное впечатление на наши войска».

Несколько дней спустя, некий Кале, обвиняемый в том, что он нанес три удара саблей русскому солдату, был оправдан судом присяжных в г. Дуэ. Главный прокурор в Дуэ заверил генерала Понсе в своем «огорчении» («*désolé*»). Министру юстиции пришлось во второй раз вмешиваться в это дело: «Суды, входящие в компетенцию суда второй инстанции г. Дуэ часто проявляют пристрастие в пользу жителей [...]. Легко усмотреть, что это поведение противоречит истинным интересам французских подданных [...] и в конечном итоге может поставить правительство в неловкое положение».

С.140

Отметим при всем этом, что хотя М.С. Воронцова сильно возмущало поведение французского правосудия, он ни разу не решился на одобрение самосуда. Лишь в сентябре 1817 года после того, как вспыхнула драка в Ла-Капеле, М.С. Воронцов отправил в город 150 человек на постой, заявив, что постой продлится до тех пор, пока ему не выдадут виновных. Эта мера вызвала сильные волнения в Париже. В то же время, нет оснований сомневаться в искренности М.С. Воронцова, заявившему Веллингтону: «Какой бы ни была несправедливость французских судов, когда они судили преступления, совершаемые против нас жителями, то оно не дает нам право поступать столь же несправедливо». Показательно, что в течение всей оккупации его примирительное поведение не одобряли даже такие выдающиеся «либералы», как Михаил Орлов или Сергей Тургенев. В книге Додэ, в основном опирающейся на доносы тайной полиции во Франции и

материалы перлюстрации, приводится интересный донос, написанный самим французским лакеем Михаила Орлова: «Оба брата Орлова, живущих теперь вместе, много говорили о русском солдате, которого близ Мобёжа застрелили французские таможенники. По этому поводу они стали критиковать генерала М.С. Воронцова, считая, что он не потребовал достаточного наказания за это преступление».

Известно, что Орловы, Тургеневы и другие либерально настроенные офицеры русского корпуса во Франции в основном недолюбливали и даже презирали Бурбонов и называли короля Людовика XVIII, которого два раза сажали на престол «le roi deux fois neuf», что является непере译имой игрой слов («королем дважды девять», что звучит по-французски как «дважды новый»).

По мере того, как оккупация подходила к концу, проявлений неприязни со стороны простого народа становилось все больше. В отношении русского оккупационного корпуса это касалось лишь Арденн, население которых традиционно отличается по образу жизни и нраву от населения других округов и департаментов. Замминистра внутренних дел писал с содалением, что «жители занимаемых союзными войсками департаментов уже не обнаруживают такое расположение, как в самом начале оккупации». Он подчеркивает, «каким пагубным было бы такое расположение умов, когда уже начались переговоры об отъезде иностранных войск».

Именно в Арденнах в самые последние месяцы 1818 года ухудшились отношения с населением. Об это префект Арденн уведомил военного ми

С.141

истра: «Положение русских войск по отношению к жителям Ретеля и Вузье с каждым днем становится все тревожнее. Набравшись смелости, жители теперь не упускают случая выразить свою ненависть. [...] В обеих сторонах можно усмотреть опасное брожение».

Но безусловно тут особо стоит округ Вузье. Ухудшение обстановки в округе было связано, в частности, с проведением здесь реквизиции. Но необходимость реквизиции была вызвана очень плохой работой поставщиков и большими задержками в доставке продовольствия. Об этом свидетельствует записка «О заброшенности службы продовольственных продуктов в Вузье», которую в январе 1817 года главный распорядитель Лажар отправил министру Табарье. Лажар пишет, что 27 числа он был вынужден обратиться за помощью к жителям для того, чтобы накормить военных.

Скверная работа продовольственного снабжения осложняла положения М.С. Воронцова. Тот не простил министра Табарье за то, что тот с трибуны Палаты депутатов заявил, будто союзные главнокомандующие «как нельзя более довольны поставщиками». «Могу удостоверить, - написал М.С. Воронцов Ришелье, - что не только русские, но и английские и прусские генералы [...] никогда не были довольны поставщиками. Напротив, им не раз приходилось обращаться к жителям. Эту гибельную меру мы принимали

только в самом крайнем положении». К этому надо добавить, что 1816 год и первые месяцы 1817 года были отмечены страшным голодом в Арденнах и других местах расположения русского оккупационного корпуса.

В то же время надо отметить, что жизнь в русской зоне оккупации заметно отличалась от положения в других зонах. Знаменательно участие русских в публичных праздниках и увеселениях. В день тезоименитства короля Людовика XVIII 25 августа, французы и русские буквально состязались в любезности. В Трелоне на торжественном банкете один француз спел песню в честь «сподвижников Александра», воспевая «согласие наших народов» и утверждая в стихах: «Пусть всегда братьями будут французы и русские,/ Клянемся, клянемся!». То же самое было в Берлемоне, в Ландреси. В этом маленьком городке (по приглашению русского полковника) приняли участие в банкете М.С. Воронцов, Гурьев, другие офицеры, мэр с его заместителями и многие горожане и помещики. Перед бюстами Людовика XVIII и Александра М.С. Воронцов провозгласил несколько тостов за короля, за французскую нацию и даже – что чрезвычайно интересно – за «наших друзей американцев». Перед освещенным фасадом ратуши был вывешен транспарант с изображением держащих друг друга за руку русского и француза в древнеримском костюме. Над ними в небесах

С.142

Витала аллегория славы со следующей надписью: «Да здравствуют русские и французы! [...] Союз между Александром I и Людовиком XVIII утверждает благополучие обоих великих народов. Судя по согласию, царившему на балу, пишет мэр, «можно было подумать, что мы составляем один народ».

В Сор-ле-Шато мэр пишет, что русские и французы, казалось, «образовывал единую семью». В Авене участники «не помнили себя от восторга, когда генерал Полторацкий встал и предложил выпить за благополучие объединенных французской и русской наций, объявив, что оба государя и оба народа образуют одно целое». Через месяц вновь в Авене русские и французы «все вместе и представляя собой одну семью одинаково участвовали в разных увеселениях. Не возникло ни малейшего столкновения между ними».

В Мобёже на следующий день после организованного М.С. Воронцова празднества мэр написал: «Словом, это был семейный праздник». Через месяц после тезоименитства короля, он сообщает заместителю префекта: «Трудно мне выразить все удовольствия, испытываемые нами за этот чудесный день». О другом празднике в Живэ заместитель префекта пишет префекту Севера: «Такого союза между двумя народами, не так давно воевавшими друг с другом, не имеет прецедента». Он усматривает тут действие приказов М.С. Воронцова. Префект Ремюза того же мнения, но предписывает «доброжелательность» М.С. Воронцова личной воле Александра I, предполагая, что М.С. Воронцов получил особые «указания от своего государя».

Можно, конечно, предположить, что эти восторженные отзывы несколько приукрашивают картину: нельзя себе представить повседневную жизнь на оккупированных территориях как вечный праздник. Тем не менее, эти свидетельства ничего общего не имеют с пресловутыми «свидетельствами о хорошем поведении», которые в 1815 году оккупанты всех наций вымогали угрозами у мэров французских городов. С самого начала 1816 года мэры сообщали без прикрас о всяких преступлениях и насильственных действиях.

По многим признакам русский корпус отличается от других. Возьмем, например, поведение во время публичных празднеств и на балах. Автор нашел немало упоминаний о кровопролитных драках между пруссаками и населением в оккупируемой прусским корпусом части Арденн. Такие драки происходили с самого начала расквартирования пруссаков в городе Мезьере. Нельзя не упомянуть о селе де-Мазюр, которое пруссаки чуть не стерли с лица земли в результате очередной «батальной» схватки. Дошли

С.143.

Эти драки до того, что уже в феврале 181 года префекту Арденн пришлось запретить балы на всей территории департамента. Очень показательно, что добрый Левенштерн сразу же попросил у префекта сделать исключение для русских и так мотивирует свою просьбу: «Причины [...], на которых основывается ваше постановление, не существуют в Живэ, где жители и гарнизон живут в добром согласии».

До конца оккупации Левенштерн устраивал балы два раза в месяц. В неизданной части своих написанных по-французски мемуаров, хранящейся в рукописном отделе Санкт-Петербургской Публичной Библиотеки, он пишет: «Наши солдаты вместе с жителями танцевали вальс и плясали казачок к великому удовольствию женщин». А что касается офицеров, то они так прославились как искусные танцоры, что М.С. Воронцов их вызывал на свои балы «как необходимый материал». В департаменте Севера ни на одной части территории, оккупируемой русскими, балы не были запрещены. Иногда городской совет сам устраивал некоторые правила: в Авене было установлено, чтобы на балах чередовались французские и русские танцы. Русские участвовали и в публичных мероприятиях. 17 января 1818 года, например, в Ландреси русские старшие офицеры из гарнизонов Мобёжа, Ландреси и Авена присутствовали на торжественных похоронах французского генерала Луи Катлена.

В голодный год русские часто помогали местному населению. Жителей Живэ Левенштерн по крайней мере два раза спасал от голода: в первый раз он снял запрет на вывоз зерна из Динана на Маасе; во второй раз раздал жителям запасное зерно гарнизона. Интересно, что несколько лет спустя, когда заметно ухудшились отношения между Россией и Францией, он напишет: «А именно так русские заботились о французах! Пусть вы не помните теперь все это, господа французы, пусть вы нас ненавидите; но читайте летопись этого времени, и вы увидите, правда ли это или неправда». Щедрость русских в сборах пожертвований для голодающих французов

поразила заместителя префекта Ретеля. И он пишет министру Деказу: «Господа генералы и офицеры русской армии лично дали большие деньги. К ним прибавились сборы, которые они провели у всех офицеров, стоящей в моем округе бригады». В официальном списке благотворителей бюро помощи нуждающимся города Ретеля фигурируют именно «господа русские офицеры». 1 января 1817 года в Ландреси русский полковник вручил мэру сумму в 1000 франков для нуждающихся. Он открыл сбор средств и собрал еще 3000 франков. Были и личные пожертвования. Пожертвованиям русских офицеров приходская церковь г. Ретеля обязана своим орга-

С.144

ном, своей кованной железной решеткой и отливкой своего самого большого колокола.

Помощь русских частей проявлялась и в другом: в участии в городских патрулях, (что было бы совсем невозможно с пруссаками или саксонцами), в борьбе с пожарами и поджогами. В частности, капитан Атамонов и его солдаты спасли от пожара село Сар-Потри. Заместитель мэра не находил слов, чтобы отблагодарить русских. И таких примеров немало.

Имеется немало свидетельств того, что во время оккупации существовали хорошие отношения между русскими и французами. Об этом говорится и в русских, и во французских источниках. В декабре 1815 года перед отъездом из Нанси М.С. Воронцов написал своему отцу: « Жители Нанси сожалеют о нашем уходе; они привыкли к нам, и прибытие баварцев заставляют их еще выше оценить наше поведение». В мае 1818 года он пишет: «Дисциплина у нас такова, что жители нас полюбили». Остававшийся в Нанси Николай Тургенев сообщает: « Сколько раз я слышал от самих горожан Нанси и его окрестностей, что они смотрят на русского солдата, живущего у них, как на свое дитя». Знаменитый французский историк Эрнест Лавис, родом из Ленуэна, пишет в своих «Воспоминаниях», что его бабушка «не жаловалась на поведение казаков за все время их пребывания. У нее жил один из них, по имени Антуан, или точнее Антон, а он был славный малый».

Запись актов гражданского состояния за 1816, 1817 и 1818 годы в оккупируемых городах часто упоминает о русско-французских браках. Историк города Франсуа-Симон Казен прямо заявляет, что «русские не были в тягость крестьянам. Они даже им помогали в страдную пору». Интересно замечание историка Мобежа Пьерара о том, что когда в Мобёж приехали Александр I и король Прусский, то именно русского императора « встретили восторженные виваты населения, резко контрастирующие с сыплющимися на его королевского спутника ругательствами».

Отъезд русских войск был отмечен разными проявлениями симпатии: вручением почетных шпаг офицерам, командовавшими крепостями Живэ, Ретеля и Рокруа, выражением благодарности от городских советов, вручением медалей, разными встречами, на которых пели песню Беранже «Священный союз народов». Историк Жадар напоминает о «вежливом и

услужливом» обращении с русским населением в Ретеле и пишет: «Таким образом установились связи между буржуазными семьями и их гостями

С.145.

всех сословий». В 1840 году сын мэра Ретеля заявил секретарю М.С. Воронцова М.П. Щербинину, что он был «полон благодарности перед всеми русскими» и напомнил ему о «любви и уважении, завоеванных у жителей Ретеля графом М.С. Воронцовым».

Интересны «Воспоминания» Ф.-С. Казена. Подружив с несколькими русскими офицерами, Казен хвалит их «прямодушие и великодушие, приходящее очень под стать характеру французских офицеров, их безупречное обращение с французами, их страсть к увеселению и развлечениям». Как и Левенштерн в Живэ, Казен приписывает щедрости русских офицеров «процветающее состояние» своего города Ретеля.

Через несколько месяцев после ухода русского оккупационного корпуса секретарь мэрии Мобёжа занес следующее в книжку отчетов: «Граф М.С. Воронцов [...] сумел поддержать безупречную дисциплину в своем корпусе и восстановить доверие. Его отношения с местными властями и жителями всегда отличались благожелательностью. К нему нередко обращались за помощью нуждающиеся. За трехлетнюю оккупацию города развилась торговля, и все, кто занимался каким-нибудь видом торговлей, смогли за этот срок возместить ущерб и даже увеличить свое имущество. В последнее время Мобёж представлял собой процветающий город. Русские офицеры, которым свойственно милосердие, оказали большую помощь голодающим».

Дать однозначную характеристику отношениям между русскими корпусом и населением невозможно. Имеется кажущееся противоречие между свидетельствами о добром согласии (и даже дружбе) и появлениями враждебности. Нельзя не учитывать географическое местонахождение русских войск (географический фактор). Русские военные стояли не на юг Франции, в монархистском Провансе, а на север, где простой народ в целом остался верен Наполеону. При этом необходимо отличать «дикие» Арденны от других местностей. В Арденнах стояли бригады Каблукова и Полторацкого. В апреле 1817 года М.С. Воронцов добился их досрочного ухода, так как большинство неприятностей были в связи с этими частями. Но и в Арденнах положение не было одинаковым в разных городах.

Социологический фактор также сыграл немалую роль. Исключительная щедрость русских военных обогатила торговцев и лавочников, но обошла стороной крестьян. К этому следует добавить и политический фактор. Зажиточным слоям общества давно претил Наполеон. Для них русские были мощной опорой нового режима.

Необходимо подчеркнуть, что на этот период французской истории нельзя смотреть через современные очки. В частности, понятие патрио-

С. 146.

тизма имело тогда иное значение. Многочисленные французские эмигранты, которые воевали в рядах русской армии против Наполеона, считали себя не предателями, а истинными сынами Франции, верными своему государю. Таков был, в частности, Ришелье. Можно остановиться еще на одном примере. В Авене командовал русским гарнизоном полковник русской армии Гераклий Полиньяк. Родившись в канун французской Революции (в 1788 году), он приходился сводным братом первому герцогу Полиньяку, скончавшегося в Петербурге в 1817 году. Он был, следовательно, дядей будущего министра Карла Х. Восьми лет он уже числился адъютантом Суворова, потом Голицина. Он участвовал в войнах против Наполеона, был ранен под Прейсиш-Эйлау и под Бородином и вступил в Париж вместе с русской армией. В Авене он женился на дочери хранителя залогов. В 1818 году, получив французское подданство, он променял погоны русого полковника на французские того же звания. В Авене он был активным членом французской масонской ложи «Любезность». Вместе с ним посещали эту ложу и другие русские офицеры. Этот «русский полковник», носивший одну из самых знатных фамилий Франции, был вхож во все хорошие дома Авена. Он как бы олицетворял своеобразие русской оккупации во Франции.

Вышеизложенным история русского корпуса во Франции далеко не исчерпывается. Но хотелось бы еще раз отметить, что о 1816, 1817 и 1818 годах нельзя судить, только исходя из данных 184 и 1815 годов. От такого одностороннего подхода полностью ускользают объективные исторические события и своеобразие личной роли в них М.С. Воронцова. Обращаясь к архивным материалам и малоизвестным работам, посвященным именно этим трем годам, убеждаешься, что по отношению к М.С. Воронцову не только допущена ошибочная оценка его личности, но и совершена явная историческая несправедливость. Эту несправедливость автор хотел хоть частично исправить.